

ВЪ БАДЕНВЕЙЛЕРЪ.

(Воспоминанія о А. П. Чеховѣ).

Возвращаясь, нѣсколько лѣтъ, назадъ, изъ Швейцаріи въ Берлинъ, я остановился на станціи «Mühlheim», недалеко отъ Базеля, чтобы въ промежуткѣ между двумя поѣздами съѣздить въ Баденвейлеръ, въ тихій и малоизвѣстный курортъ, въ исторію котораго вплетена печальная для сердца каждаго русскаго странника: тамъ умеръ Чеховъ...

Мнѣ же трудно было отыскать отель Зоммера, гдѣ умеръ въ скромной мебелированной комнатѣ Чеховъ, но кельнеръ не сразу согласился показать мнѣ ту комнату, въ которой жилъ и умеръ Чеховъ.

— Этотъ номеръ занятъ теперь, ссылался онъ.

— Если вы объясните господамъ, занимающимъ этотъ номеръ, какое чувство руководить мною, они несомнѣнно, позволятъ мнѣ войти на нѣсколько минутъ,—убѣждалъ я его.

Мы поднялись во второй этажъ, лифтомъ. Кельнеръ постучалъ въ двери; въ номерѣ никого не оказалась. Онъ отперъ дверь, пригласилъ меня войти и поднялъ штору на балкончикъ, что бы я могъ лучше осмотрѣться въ полутемномъ номерѣ.

Шаблонный номеръ нѣмецкаго отеля съ шаблонной обстановкой. Близъ двери въ корридоръ двѣ постели. У фасадной стѣны, между окномъ и дверью на балкончикъ, небольшой диванъ, обитый бархатомъ, и круглая столъ. Угловой шкафъ и нѣ-

сколько стульевъ дополняютъ обстановку. Мебель свѣжая, все въ номерѣ чистенько, а темныя обои усиливаютъ впечатлѣніе уюта.

— Послѣ смерти Чехова обстановку здѣсь не мѣняли, поясняетъ мнѣ кельнеръ:—такъ все и осталось, какъ было. Вотъ здѣсь, на диванѣ, онъ часто сидѣлъ съ своей супругой. Охотно онъ сидѣлъ на балконѣ и любовался видомъ горъ. На этой кровати, что дальше отъ двери, онъ умеръ. Вся постель за исключеніемъ бѣлья, конечно, осталась та же...

Я вышелъ на балкончикъ, второй отъ угла дома, почти общій съ балкончикомъ сосѣдняго номера. Видъ красивый, но безъ шири, безъ мощи. Прямо передъ отелемъ словно упирается въ небо высокая гора, сплошь устѣпанная хвойнымъ лѣсомъ, и только переливы солнца въ морѣ хвои ласкаютъ глаза.

Внизу я встрѣтилъ владѣльца отеля. Мы разговорились. Я не первый, пришедшій смотрѣть комнату, гдѣ умеръ Чеховъ, и не первый, прѣхавшій специально для этой цѣли въ Баденвейлеръ. У него неоднократно просили о какой-либо мелочи, оставшейся послѣ Чехова, въ качествѣ реликвіи, но супруга покойнаго увезла съ собою рѣшительно все, что было съ ними.

Осталась одна обстановка комнаты. Онъ, владѣлецъ гостиницы, готовъ продать обстановку этого номера, если бы кто-либо пожелалъ ее купить

готовъ и отдать ее, если бы въ Россіи основали музей, посвященный памяти Чехова.

Позже я посѣтилъ д-ра Шверера, лечившаго въ Баденвейлерѣ Чехова и присутствовавшаго при его послѣднихъ минутахъ. Д-ръ Швереръ, еще не старый, съ симпатичнымъ лицомъ, обрамленнымъ свѣдющей бородкой, принялъ меня у себя на виллѣ очень любезно. Мы сидѣли сначала въ его салонѣ, потомъ перешли въ его пріемный кабинетъ, гдѣ онъ принималъ, какъ врачъ, Чехова.

— Я увидѣлъ Чехова впервые здѣсь, хотя бывалъ въ Москвѣ и женою на москвичкѣ, встрѣчавшейся раньше съ Чеховымъ, рассказывалъ мнѣ д-ръ Швереръ.

— Сначала его настроеніе въ Баденвейлерѣ было жизнерадостное. Онъ много выѣзжалъ въ окрестности и наслаждался красотами природы. И онъ безконечно дѣлалъ записи въ свою книжечку.—«Это будетъ водевилъ», говорилъ онъ мнѣ:—«да такой водевилъ, какого еще не бывало. Въ театрѣ будутъ помирать отъ смѣху». Неоднократно онъ говорилъ мнѣ:—«я сегодня написалъ нѣчто такое смѣшное, что просто умора».

— Позже настроеніе Чехова ухудшилось. Послѣ того, какъ онъ поправился довольно хорошо, съ нимъ случился сердечный припадокъ. Въ первомъ отелѣ, гдѣ онъ поселился, ему было слишкомъ шумно. Онъ перѣхалъ въ пансіонъ, но тамъ ему не нравилась пища. Онъ перѣхалъ въ другую гостиницу, но тамъ переѣхавъ номеръ. И онъ, словно предчувствуя свою смерть, все порывался уѣхать изъ Баденвейлера. Я ему сказалъ:—«вы, какъ врачъ, сами должны пони-

мать, что послѣ перенесеннаго припадка вы не можете трогаться въ далекій путь». Съ трудомъ удалось уговорить его остаться.

— Онъ былъ сильно огорченъ здѣсь конфликтомъ съ Горькимъ, рассказывалъ мнѣ докторъ Швереръ:—Чеховъ прочиталъ «Дачниковъ» Горькаго и отклонилъ постановку ихъ въ Художественномъ театрѣ. Онъ совѣтовалъ Горькому обработать пьесу придать ей болѣе сценическій характеръ. Въ Баденвейлерѣ онъ получилъ извѣщеніе, что Горькій ставитъ пьесу въ Петербургѣ въ первоначальной редакціи. Чеховъ былъ до чрезвычайности огорченъ имъ и разстроенъ. Это плохо повліяло на него,—я долженъ это высказать...

— Чеховъ умеръ удивительно спокойно, продолжалъ позже свой рассказъ д-ръ Швереръ.—Когда ночью съ нимъ случился второй припадокъ и я былъ позванъ къ нему, я распорядился, чтобы принесли кислороду. Бывшій въ комнатѣ Чехова русскій студентъ пошелъ за кислородомъ.—«Не надо», сказалъ Чеховъ: «пока принесутъ кислородъ, я уже умру». Такъ оно и случилось. Онъ закрылъ глаза, и его не стало. Моя помощь и поддержка нужна была уже не ему, а его супругѣ...

Д-ръ Швереръ рассказывалъ мнѣ много деталей о томъ, какъ трупъ Чехова былъ перенесенъ въ ближайшую ночь въ мертвецкую на мѣстномъ кладбищѣ. Я хотѣлъ посѣтить эту мертвецкую, но времени оставалось мало: надо было спѣшить къ поѣзду.

М. Суконниковъ.